

Василий ВЕДЕНЕВ
Алексей КОМОВ

САМУС -
ВЕТЕР ПУСТЫНИ

Василий Веденеев

Самум – ветер пустыни

«Мульти Медиа»

1985

Веденеев В. В.

Самум – ветер пустыни / В. В. Веденеев — «Мульти Медиа»,
1985

© Веденеев В. В., 1985

© Мульти Медиа, 1985

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Василий Веденеев, Алексей Комов

Самум – ветер пустыни

1

Доносчик... Мерзкое слово! Слово презрения и унижения. Хотя... Нельзя же делить мир на доносчиков и тех, на кого они доносят?!

– А что если все вокруг окажутся доносчикам!? Ведь доносить можно не только полиции. Доносят дети учителям друг на друга, доносят чиновники начальству, послы своему правительству. Другие в это время успешно доносят на чиновников, послов, учителей. Нет, криминальная полиция в этом отношении много корректней обывателя. Она не употребляет таких унижительных слов, как доносчик, а говорит нейтрально – осведомитель. А чтоб было понятно, часто к этому скромному слову добавляются два других – тайный и платный...

Бабу удобно устроился в кресле рядом с сувенирной лавкой, которая сегодня была закрыта. Здесь на него никто внимание не обратит – что удивительного в человеке, ожидающем вылета? Зато он прекрасно видит всех, кто выходит из таможни.

– Внимание! Объявляется посадка на рейс... Еще минут десять – пятнадцать можно быть совершенно спокойным. Тот, кого он начал «пасти» должен дождаться своей очереди и пройти все формальности...

Осведомитель... Человек осведомленный и осведомляющий. Глаза и уши полиции, люди заботящиеся о чистоте общества. Да, именно глаза и уши. И не только криминальной полиции, но и политической! Они не клеветают на соседей, и не «закладывают» старого приятеля, с которым вчера вместе провернули выгодное дельце.

Но разве мало еще людей, которые, нарушив закон, всячески скрывают это? Господин Лакдар, что осведомлять политическую полицию долг каждого настоящего патриота. Бабу всегда считал себя достойным мусульманином и патриотом. Однако, господин Жако из криминальной полиции знает о Ясефе Бабу многое из того, о чем не хочется вспоминать. Кто не нарушал закона, ведя торговлю. Так что, он теперь двойной осведомитель. А что поделаешь?

Только со временем Бабу понял все прелести своего положения. Он маленький человек, по существу блоха, которую сдувал любой ветер, вдруг неожиданно получил возможность влиять на чьи-то чужие судьбы и жизни. Зрительная память у него оказалась великолепной, а чутье на интересную информацию и людей еще лучше, чем у репортера «черной» хроники. Несколько раз газеты раздували сенсационные скандалы – о связях преступников с сильными мира сего, которые раскрывала полиция. А ниточку полиции давал ни кто иной, как он. В газетах, об этом понятно не писали. Но он-то знал... Сладкое ощущение власти давало ему это занятие, пусть об том известно только ему, но власть эта реальна, значит упоительна...

– Внимание! Совершил посадку самолет компании «Айр Франс»...

Мимо кресла, где сидел Бабу, в сторону выхода неторопливо прошли несколько негров в прекрасно пошитых европейских костюмах. У одного он успел заметить на щеках шрамы племенных знаков. Судя по их белоснежным сорочкам, строгим галстукам и неприступно-надменным лицам – начинающие дипломаты какой-нибудь молодой африканской страны. Дипломаты – это политика, а она мало интересовала тайного осведомителя.

Из таможни появилась шумная толпа одинаково загорелых, одинаково вылизанных, седеньких американских туристов, увешанных фото и кинокамерами. Один из них – благообразный бодрячок в голубом костюме, нес повешенный через плечо видеомагнитофон. Как же, хотят запечатлеть экзотику! Наконец-то увидят своими глазами настоящий северо-африканский ислам, бедуинов и одалисок, бывшие города-гнезда берберийских пиратов, некогда

наводивших страх на христианских мореплавателей, еще сохранившимися площадями невольничьих рынков. А может кто-то из них мечтает прикупить пару здоровых невольников или пышногрудых невольниц? Бабу насмешливо улыбнулся. У этих американцев вместо мозгов в головах зеленые доллары. Какой бред не появится там после изучения целой кучи рекламных проспектов, наверняка написанных людьми, не высовывавшими носа из собственного дома. Нет, того, кого он ждал, среди толпы престарелых искателей приключений и экзотики не было.

– Господин Мюллер; прибывший из Мадрида, вас ожидают у касс компании «Пан Ам»...

Бабу лениво полез в карман за сигаретами, не глядя щелкнул зажигалкой и затянулся крепким табаком «Мактубы». ¹ Из дверей таможни вереницей тянулись прибывшие пассажиры. Греки, пара турецких дельцов средней руки, католический священник, очередная группа туристов, на сей раз скандинавы. Среди них того человека не было. Но Бабу не волновало. Он чувствовал удачу. С утра позвонил Фатни – торговец табачной лавки и сказал, что есть товар. Он частенько продавал Бабу хорошие сигареты со скидкой. Можно было только догадываться, почему они доставались ему дешевле. Бабу всегда покупал партию оптом. Обоюдная выгода. Заполнив свой вместительный «дипломат» Бабу вдруг захотелось побродить по аэропорту «освещать», который входило в круг его обязанностей. В последнее время ему практически нечем было порадовать господ полицейских, и он не раз ловил на их лицах выражение неудовольствия. Самое интересное в аэропорту – зал ожидания и таможня. Какая-то сила привела его именно к таможне и заставила внимательно посмотреть на пассажиров, которые толпились за стеклянной стенкой. И тут он вдруг увидел того человека.

Бабу не стал внимательно всматриваться в него, просто скользнул взглядом. Но в мозгу уже сработал какой-то сигнал, словно звонок прозвенел. Человек, одетый по моде ночных кварталов в светло-бежевый костюм и темную рубашку с неярким галстуком, и не заметил щуплую фигуру Бабу по ту сторону прозрачной перегородки. Он без лишней суеты дождался своей очереди к досмотру.

Бабу с равнодушным видом отошел. Нет, нет, сразу не вспомнить, кто это. Но лицо его он уже видел. Нет не в жизни, это точно. Тогда где? На фотографии. Среди тех снимков, которые кажется, показывал ему господин Жако, инспектор службы по борьбе с наркотиками. Но чтобы убедиться, надо посмотреть на «объект» поближе. Тогда Бабу решил подождать в укромном уголке. К чему обращать на себя внимание?

... – объявляется посадка...

Вышел. Идет не быстро, но уверенно, с чувством значимости и силы.

Бабу встал, взял свой объемистый «дипломат», и, не глядя в сторону того, в светлом костюме, двинулся наперерез. У дверей он на несколько секунд оказался совсем рядом с незнакомцем. Этого вполне было достаточно, слава Аллаху, память вновь не подвела Бабу.

«Французский узел»! «Героиновая тропа», берущая начало в далекой Азии, в «Золотом треугольнике», по которой опиум попадал в Ливан, а затем в Ливан. Там из него производили морфий, который через Средиземное море доставлялся в тайные лаборатории в окрестностях Марселя. Оттуда наркотики «расползались» по Западной Европе, пересекали океан, и по бешеным ценам сбывались в Монреале, Нью-Йорке, во Флориде... В конце концов, полиции удалось разгромить организацию крупных дельцов, производивших и распространявших наркотики, синдикат торговцев «белой смертью», получивший название «Французский увел». Этим летом в Марселе судят Гаэтана Зампу, которого многие называют самым известным человеком в преступном мире Франции. Кроме активного участия во «Французском узле» его обвиняют в ограблении отделения банка «Сосьесе женераль» в Ницце. Как утверждают судебные репортеры, там взяли десять миллионов долларов. Бабу даже представить себе не мог, как выглядит

¹ Сорт недорогих марокканских сигарет

такая куча денег. Того же Зампу подозревают в дерзком и жутком убийстве марсельского судьи Пьера Мишеля. И еще, и еще – на добрую сотню нормальных людей хватило бы.

Замп попал на скамью подсудимых, но многим из его окружения удалось исчезнуть. Господин Жако показывал Бабу фотографии молодчиков разыскиваемых Интерполом. Среди прочих, был и этот, в светлом костюме.

Смешавшись с толпой, Бабу выскользнул на улицу. «Не упустить, не упустить!» – стучало в висках. Оглянувшись, он заметил, как человек в светло-бежевом костюме небрежным жестом подозвал носильщика.

Бабу быстро отыскал на стоянке свой «фольксваген», уселся за руль, и, включив зажигание, чтобы прогреть мотор, замер, напряженно вглядываясь через ветровое стекло в людей на площади. Только бы не подвела машина, а уж Бабу вцепится в «светлый костюм», как колючка в хвост верблюда!

Наконец, он снова увидел его. Носильщик бережно уложил чемоданы «светлого костюма» в багажник, предупредительно открыл дверцу такси. На одном из чемоданов мелькнула яркая наклейка с крупной надписью «Танжер».

...Бабу держался на расстоянии от ярко-желтой машины. Таксист, слава аллаху, не торопился, видимо, развлекая клиента и себя ничего не значащей беседой, Бабу позволил себе чуть расслабиться и иногда поглядывать по сторонам. На авеню Мохаммеда V на фоне темно-зеленых листьев ярко светились уже потемневшие ягоды черного перца, гроздьями свешивавшиеся до самых окон кафе и магазинов, Бабу опустил стекло. В машину ворвались сырые запахи эвкалиптов, росших по сторонам дороги.

Такси завернуло направо и, проехав еще метров сто, остановилось у подъезда отеля «Алетти». Тихая улица, тихий отель, без толпы туристов и множества машин на стоянке.

Бабу лишь чуть притормозил, проезжая мимо. Он успел заметить, как багаж «светлого костюма» подхватил расторопный в белой, обшитой золотым галуном, униформе.

Во истину удача сегодня улыбается Бабу. Остановись человек Зампы в другом месте, понадобилось бы масса усилий, чтобы получить о нем информацию. А здесь все просто.

Спустя четверть часа Бабу вошел в отель. Холл был пуст.

– Привет, Омар! – радушно обратился он к портье. – Как поживаешь?

– О, Бабу, рад тебя видеть! Как твое самочувствие?

– Слава аллаху, пока здоров, как рыба. А о делах не спрашивай. Суеты много. Ты же знаешь, моя кофейня пустой не бывает. И все на мне! А как же, я хозяин, и надо заботиться, чтобы люди, придя ко мне в заведение, отдохали нормально. Не так много сейчас мест, где еще можно почувствовать себя человеком.

– Да, – согласился портье, – трудные времена. Не знаешь, какая напасть через минуту свалится тебе на голову. Оставил Аллах нашу грешную землю своим вниманием.

– А ты что не заходишь? Совсем забыл старых друзей. Аи, нехорошо, Омар! Если какие сложности, не стесняйся – для тебя кредит всегда открытым остается.

– Да, – снова согласился портье. – Деньги зарабатываются все труднее, а тратятся все легче. Надо содержать семью и всех надо накормить, одеть.

– ... Деньги, деньги. Все только о них и говорят, словно помешались. Наверное, даже миллионеры теперь жалуется на бедность.

– Да разве в этом дело? Знаю, знаю, почему давно не заходишь! Здесь у тебя такое спокойствие, что и отдых не нужен, – пошутил Бабу. – Ты хоть помнишь, когда последний клиент у вас появлялся?

– Ну, это, ты уж слишком, – обиделся Омар. – Буквально перед тобой приехал солидный господин, коммерсант из Перу, господин, – он взял очки и заглянул в книгу регистрации. – Порфин-но Ган-за-лес, – прочитал он по слогам, – представитель торгово-промышленной фирмы «Салливэн энд Кромвел».

– Тогда рад за тебя. Приходи вечером, скажу тебе как другу, по секрету – есть хорошие сигареты. Угощу. Выпьем кофе, вспомним былые приключения...

Они оживленно поговорили еще минут пять, после чего, выйдя из отеля, Бабу сразу направился к телефонной будке. На другом конце не отвечали. Бабу на всякий случай еще раз набрал номер. И вновь долгие гудки. Господина Жако нет на месте. Не вовремя, он куда-то уехал, не вовремя.

Бабу задумался, покусывая ноготь большого пальца. В его деле чем быстрее дашь информацию, тем больше тебе могут заплатить. А деньги никогда лишними не бывают! В конце концов, ему тоже приходится всем вокруг приплачивать: налоги растут, хороший табак дорожает, про кофе и разговора нет, полицейскому патрульному тоже надо сунуть в лапу, чтобы по вечерам тот гулял поближе к кофейне... Да, деньги, деньги. Как не иронизируй, а без них не обойдется. Позвонить господину Лакдару из политической полиции? Его тоже может заинтересовать такая новость. Бабу с год назад имел памятную встречу с господином Лакдаром. Тот зашел в кофейню, посидел, попил кофе, а потом позвонил Бабу и предложил ему сообщать все, что он услышит интересного в своем заведении или увидит на улице, в политическую полицию, лично ему, господину старшему инспектору Сахуну Лакдару. Вот так. Бабу даже не нашелся, что ответить.

Тогда Лакдар долго говорил о патриотизме и долге каждого мусульманина. Ну, и о деньгах за работу. Время от времени Бабу подбрасывал ему кое-какие сведения, постоянно боясь, что Лакдар узнает о его связи с Жако, а Жако о его отношениях с Лакдаром. Двойной игры не любил никто. Да, пожалуй, надо сообщить о появлении «гостя» в политическую полицию, тем более, что господин Жако рассказывал, как на том берегу моря, в Марселе, вновь разгорается война между гангстерами. И Гаэтана Зампу ограждают не только от помощи друзей, но и от мести врагов. Кто знает, зачем появился здесь в такое сложное время этот Порфирчо из Перу? Ведь на самом деле он не Порфирчо, и не из Перу. Честный человек под чужим именем прятаться не будет. Не зря в народе говорят: змея меняет кожу, но не нрав...

– Господин Лакдар? Это Ясеф Бабу... Великодушно простите, что беспокою вас... Хотелось бы поговорить...

– Что нового, Бабу? – голос у старшего инспектора политической полиции был тягучим, как патока.

Есть интересная новость, господин Лакдар... Я э-э не далеко от гостиницы «Алетти»...

Новость? – на том конце провода заметно оживились. Хотя своим вопросом Лакдар ясно давал понять, что пока не узнает в чем дело, не подумает подняться со своего мягкого кресла в кабинете. – Какая новость, Бабу? Надеюсь приятная?

Бабу в работе шуток не любил. Он уже начал жалеть, что поторопился со звонком старшему инспектору. Но назад уже не повернешь.

– Э-э-э... В городе Джалал Пикколо... Один из приближенных Зампы.

Лакдар ответил не сразу.

– Ты не ошибся, Бабу? – с сомнением спросил он.

Все же зря он позвонил Лакдару. Господин Жако никогда не позволяет себе усомниться.

По крайней мере, не делает этого вот так, в лицо.

– Нет, – скрывая обиду ответил Бабу. – Он остановился в «Алетти» под именем...

– Не надо подробностей... – оборвал его Лакдар. – Кто еще знает об этом?

– Только вы, господин Лакдар, только вы.

– Только я или...?

– Нет-нет, только вы.

– Любопытно, – протянул Лакдар, в чем-то сомневаясь, то ли удивляясь. Наконец, он принял решение. – Хорошо! Отправляйтесь сейчас по своим делам и забудьте пока об этом. Я сам все организую. И пока никому ничего. Все!

– Простите, а как же...

– ...Деньги? Не волнуйся, если все подтвердится, получишь в двойном размере. Все! – еще раз повторил Лакдар и сразу повесил трубку.

Бабу разговор не понравился. Лакдар с ним, как с женщиной: пока уговаривал был ласковым, а как добился своего – начал командовать. С другой стороны деньги не помешают...

А распоряжаться Лакдар может хоть до страшного суда. Все равно не узнает, когда эта информация попадет к господину Жако. Бабу достал монету и снова опустил в автомат. На сей раз, трубку взяли быстро.

– Алло...

– Господин Жако?

– Да, слушаю вас.

Бабу переспросил для перестраховки. Приятный низкий баритон господина Жако трудно было с кем-то перепутать.

– Это Ясеф Бабу. Есть серьезная новость...

– Где и когда?

В половине второго, рядом с бистро «На старом углу». Знаете? Недалеко от ресторана «У ловцов лангуст»?

– Знаю. До встречи.

Господину Жако Бабу о деньгах не напоминал. Господин Жако был порядочным человеком.

2

А праздника в душе уже нет. Как в старой неаполитанской песне «Гаснут звезды над заливом...» Одна за другой перестают радовать приятные мелочи, словно одна за другой гаснут звезды. Только у него не утро, а ближе к вечеру. Нет, он, как и раньше, выглядит на «миллион долларов» – в свои сорок шесть подтянут, обаятелен, но внутри словно что-то надломилось. Причем, вроде и ни с того, ни с сего, без видимого внешнего толчка, он вдруг потерял прежнее ощущение остроты жизни. Потерял то, что во многом составляло смысл существования. Риск, постоянная опасность, еще совсем недавно приятно щекотавшие нервы, заставлявшие мозг изыскивать такие ходы и повороты, распутывая которые сгорит от напряжения любой полицейский компьютер, постепенно превратилось в не очень приятную профессиональную обязанность, с которой приходится просто мириться. Деньги? Они тоже из желанной цели, эквивалента свободы, независимости, гарантии получения любых наслаждений стали простым жалованием, пусть даже и очень большим. Женщины? Об этом лучше не говорить. Нет, на, недостаток внимания женского пола жаловаться грех. Но, да простит его святая мадонна, женщины теперь тоже, так, естественная необходимость, без бури эмоций, предвкушения игры... Может, все это симптомы надвигающейся старости?

Джалал достал из кармана несколько монет и отдал их бою, который принес его чемоданы. Не дожидаясь пока мальчишка уйдет, вышел на лоджию. Раньше он бы не позволил себе такой небрежности, но сейчас... Черт с ним.

Сквозь ажурную вязь мавританской решетки, закрывавшей лоджию сверху донизу от палящих лучей солнца, было видно море. Лазурно-синяя вода казалось отсюда совершенно ровной и спокойной. Большой белый лайнер медленно двигался к порту...

В таком состоянии обычно обращаются к врачу. Что ж он обратился.

...Восходящее светило психоаналитики обитало в роскошной вилле недалеко от Парижа. Зелень, свежий воздух, тихий шорох бегущей по камням мелкой реки. Пожилой привратник проводил месье Литти, тогда он носил это имя, в дом, а скромно одетая женщина средних лет с удивительно добрым и спокойным лицом ввела его в приемную. Знаменитый психоаналитик

был достаточно молодым человеком, не старше сорока, одет неброско, но дорого. По итальянскому обычаю Пикколо назвал его профессором. Улыбаясь и мягко жестикулируя, профессор сам опутал его проводами непонятных аппаратов, похожих на детекторы лжи, заставлял отвечать на кучу малозначительных вопросов: «Была ли у вас в детстве собака? Была? Очень хорошо... Вы не помните, как ее звали? Вот как? Прекрасно, прекрасно... А что вы любите на десерт? Ах так... Очень хорошо. Очень... Скажите, месье Литти, вы умеете плавать?... Великолепно...»

Нет, физически он был здоров. Наркотики никогда не употреблял – это только бизнес, не увлекался вином, не болел дурными болезнями. Но почему же так отвратно на душе?!

Исподтишка наблюдая за профессором Пикколо отметил про себя продольные морщины на его высоком, с залысинами лбу. В штатах это считают признаком ума. Глядя на ленты, выходявшие из-под пера самописцев, психоаналитик крепко сжал губы. Резко обозначились складки, идущие от крыльев носа к подбородку. «Парень волевой и неглупый», – с некоторой долей уважения подумал Пикколо. Но в его ли силах помочь мне? А может в церкви найти умиление? Глупость! В бога он не верил с детства, хотя на нужды церкви жертвовать не забывал. Сектанты всех мастей вызывали только чувство брезгливости. Нет, все материально...

– ... вы, видимо, много работаете, месье Литти... – наконец, дошел до него голос «профессора» – Вас одолевают стрессы и неразделенные желания. Что я хотел бы вам посоветовать?... Ну... Во-первых, никаких перенапряжений: ни умственных, ни физических, поскольку вы находитесь на грани нервного кризиса. Как можно меньше отрицательных эмоций – он мило улыбнулся, – Вы ни в чем не должны знать отказа... Долгий хороший сон, прогулки, бег трусцой на средние дистанции, очень полезны морские купания. И вообще – смените ритм жизни и окружающую вас обстановку. Займитесь писанием акварелей и играйте в теннис, ухаживайте за хорошенькими женщинами, поезжайте поохотиться в джунгли Амазонии, посмотрите пирамиды майя. Станьте рабом своих желаний! А если их нет – попробуйте себе их придумать. Постоянная смена впечатлений выведут вас из кризиса.

«Галиматъя! – мрачно подумал Пикколо, – Ты, парень, шарлатан, а не профессор... Ничего ты не понял. И может ли медицина вернуть мне вкус к жизни».

Джалал полез было за бумажником, но «профессор» округлым жестом указал на старинную вазу японского фарфора, стоявшую в углу приемной. Подойдя к ней, Джалал увидел маленькую медную табличку, укрепленную над горлышком вазы на стене. На ней была выгравирована трехзначная цифра и значок доллара. «Профессор» за услуги деньги не брал, клиенты сами их оставляли. Не глядя, бросив в вазу несколько крупных долларовых бумажек, Пикколо пошел к выходу. Психоаналитик почтительно сам проводил его до машины. По дороге в аэропорт Орли Джалал саркастически улыбался – и здесь лицемерие. Чем же этот «добропорядочный» мир отличался от «преступного»?

...Вернувшись с лоджии в комнату он плотно прикрыл за собой дверь, включил кондиционер и начал разбирать чемодан. Первым на свет появился небольшой транзисторный приемник. Про себя Пикколо иногда называл его «счетчиком Гейгера». Небольшое усовершенствование в безобидном радиоаппарате фирмы «Сони» позволяло успешно использовать его для обнаружения в помещениях скрытых микрофонов, дававших при включении приемника наводку. Чем ближе подносили приемник к скрытому микрофону, тем сильнее раздавался в динамике вой. Положив транзистор на стол, Пикколо аккуратно развесил свои вещи в шкафу, достал из чемодана портативный магнитофон и поставил кассету, мягкие звуки музыки заполнили номер. Он закурил, воткнул в ухо горошину наушника и, включив свой «счетчик», начал методично «прослушивать» стены, мебель, телефонный аппарат, оконные рамы...

...А совсем недавно, приезжая сюда, его охватывало чувство праздника. В этом городе бурлила жизнь. Жизнь, которую видели не простые обыватели, или туристы, считавшие, что самое интересное, здесь было за три-четыре века до их приезда. Нет, этот город открывался

только профессионалам. Он кишил секретными агентами, контрразведчиками, гангстерами и сыщиками всех мастей, торговцами «живым» товаром, снабжавшими крупнейшие публичные дома мира девочками всех оттенков кожи и любого возраста, террористами, политиками, мошенниками, лжесвидетелями...

И у всех здесь были дела. Все считали, что именно здесь им повезет. Как раньше он любил поиграть в эти игры. Но сейчас... Сейчас надо просто работать...

...Тщательно обследовав весь номер, Джалал осторожно приоткрыл дверь и выглянул в длинный безлюдный коридор, покрытой толстой ковровой дорожкой, глушившей шаги. Это ему не понравилось. Долго ли по такому ковру неслышно подойти? Замок не поможет. Что стоит его выбить или открыть отмычкой. И у портье всегда есть запасные ключи, а разве он откажет полиции? Впрочем, вряд ли что-либо подобное случится. По крайней мере, парни из Лэнгли обещали исключить такие сюрпризы. Хотелось бы верить. Раньше их слово было лучшей гарантией. Но теперь даже «третьи» страны позволяют себе показывать коготки американцам. Политика, черт бы ее побрал, все с ног на голову поставят.

Пикколо давно сотрудничал с ЦРУ, числясь в секретных картотеках как агент С-263. Номер этот его поначалу покорибил. И даже когда ему объяснили, что такое цифровое обозначение более безопасно, потому что псевдоним, если он станет известен постороннему заинтересованному лицу, может подсказать дорожку к человеку. Джалалу этот С-263 был неприятен. Словно машина какая-то, а не человек.

Но, тем не менее, он усердно выполнял то, что ему поручали. Главное – «компания» заботливо ограждала его от нездорового, по мнению Пикколо, интереса к его персоне Интерпола и национальных полиций. Как ни посмотри, наркотики – бизнес опасный, страховка необходима. Джалал довольно быстро стал одним из связующих звеньев ЦРУ с крупными торговцами «белой смертью» на Западном побережье Северной Африки. Он прекрасно понимал, что такое занятие требует умения держать язык за зубами и беречь свой зад самому, балансируя между лощеными, готовыми на все джентльменами из «компании», столь любезными на вид и столь же опасными воротилами темного бизнеса и полицией. И все эти годы наименее опасными в этом отнюдь не «золотом» треугольнике, были для него полицейские. С тех хоть какая-то видимость закона...

Джалал вытащил из кармана паспорт.

Порфирио Гонзалес.

Коммерсант из Перу.

Фантазеры в «компании»² говорят – самая распространенная фамилия в Латинской Америке: там Гонзалесов, как Смитов в Штатах. И никто не подумал, что запаса испанских слов у «гражданина Перу» хватит самое большое минуты на две. Черт с ним! Не собирается он здесь долго задерживаться, и тем более давать интервью прессе и полиции.

Электронные часы на руке мелодично зазвенели. В тот же момент замигала лампочка на телефоне, и он негромко заурчал.

Джалал снял трубку.

– Мистер Гонзалес? – Спросил по-английски мягкий женский голос.

– Да. Чем обязан?

² Обиходное название ЦРУ между его сотрудниками и агентами.

– Вас беспокоят из туристического агентства. Мы хотели бы вам помочь? Есть ли у вас пожелания?

– Благодарю Вас. Все хорошо.

– Мы можем предоставить в ваше распоряжение опытного гида, который познакомит с достопримечательностями страны. Он же будет выполнять обязанности шофера, если господин Гонзалес пожелает совершить путешествие в Сахару?

– Благодарю Вас. В Сахару я ехать не хочу, а город мне знаком достаточно хорошо. На экскурсии нет времени. Бизнес!

– Всего доброго, господин Гонзалес. Агенство всегда к вашим услугам. Наш телефон имеется во всех справочниках.

Джалал положил трубку. Что ж, работа началась. Контрольный звонок получен. Те, к кому он приехал, готовы выйти на связь. Нужный номер он помнил хорошо. Пальцы быстро пробежали по клавишам белого телефона.

– Да! – рявкнули в трубку.

– Сеньор Фусони? – ничуть не смущенный тоном своего невидного собеседника, спокойно осведомился по-итальянски Пикколо.

– Да! – снова рявкнула трубка.

– Это сеньор Гонзалес. Я в городе.

– Прекрасно, – голос стая несколько мягче. – Надо бы встретиться.

– Разумеется. Я остановился в «Алетти».

– Знаю. Но там неподходящее место. Вы у нас ориентируетесь?

– Достаточно хорошо. Но не на столько, чтобы предложить место поудобнее.

– Ресторан «У ловцов лангуст». Знаете?

– Вы уверены, что там мы сможем обнулить наши деда?

– Вполне. Жду вас там через два часа. Нет, через три. У меня жемчужно-черный форд со стеклами «хамелеон». Да, надеюсь, добрались нормально?

– Об этом при встрече. Всего доброго.

– Пароль назван, отзыв подучен, встреча назначена. Ресторан вряд ли лучше гостиницы, но хозяевам виднее. К тому же едва ли с ним будут беседовать в этом ресторане. Просто встретятся у входа и все. А потом отправятся куда-нибудь, где можно поговорить без помех.

Джалал подошел к дверце шкафа, открыл ее и вынул форменный темно-голубой в белую подоску галстук гребного клуба итонского университета. Конечно, ни в гребном клубе, ни в самом университете Пикколо никогда не был. Но сейчас, если он придет без этого галстука – встреча просто-напросто не состоится.

3

– ... В туристских проспектах о нашей стране пишут: солнце и оливы, финиковые пальмы и апельсиновые деревья, памятники уникальной культуры древности и прекрасные пляжи. Правильно пишут. И пусть к нам едут туристы, если их привлекают красоты нашей страны. Но Соединенные Штаты интересуются не красотами. Марганец, фосфаты, пириты, свинец! Вот что влечет к нам «добрых» дядей из Штатов. Почему это вдруг определенные круги в США, Франции и Англии стали заботиться о «европеизации» Северной Африки? А потому что не могут забыть тех времен, когда хозяйничали здесь, забирая все ценное, и, не заботясь о том, чтобы хоть что-то дать взамен. Но к прежним временам возврата нет!

Слушатели одобрительно зашумели. Лидер влиятельной организации «Студенческой молодежи страны» Отэн Моххади жадно глотает воду из стакана, стоящего на трибуне.

... У дома напротив университетского зала собраний притормозила старенькая малолитражка с помятыми крыльями. Неловко пригибаясь, из нее выбрался высокий молодой человек

в майке с изображением льва на груди и линялых джинсах – студенческой «униформе». Под мышкой он держал ворох газет. Наклонившись к открытой дверце, он взял из автомобиля толстый «дипломат» с цифровым замком. Водитель, сумрачный парень лет под тридцать, одетый примерно так же, как и его приятель, не выпуская изо рта сигареты, пробурчал:

– Не копайся долго... Я буду за углом, здесь стоянка запрещена...

Высокий, вышедший из машины, кивнул и, порывшись в кармане джинсов, достал ключ из подъезда. Проводив взглядом отъехавшую машину приятеля, он открыл замок и исчез за дверью...

– ... Да, они не оставили мечты снова заставить нас работать на них и для них. Вот что в их понимании означает «европеизация»: если речь заходит о строительстве – то военных баз, на которых будут размещены их солдаты; если дорог, то тоже военного назначения, если оборудование заводов, то принадлежащих им, их компаниям – да что перечислять, практически в каждом таком «подарке» прячется кобра...

... На лестнице пахло мокрым бельем и жареным луком. Поднявшись на третий этаж, парень другим ключом открыл дверь, ведущую в длинный коридор, по бокам которого были однообразно одинаковые входы в мелкие конторы. Запирая за собой дверь из коридора на лестницу, он не удержал пачку газет, и они с мягким шорохом упали на пол. Тихо выругавшись, он собрал их и медленно пошел по коридору, читая таблички. Вот и нужная. Ключ входил в замочную скважину туго. Пришлось поставить на пол «дипломат» и положить газеты. Наконец дверь открылась. Проверив, легко ли она запирается изнутри, парень вошел в помещение...

– ... Но и этого неоколониализму мало. Мало тех военных баз, которые уже есть вокруг нас. В Сицилии американцы поставили «Першинги». Прибавьте к ним и крылатые ракеты в Европе. Да, господа, «благодетели». Заверяют, что все эти штучки обороняют нас от коммунистической агрессии. Вот только с многих баз до Африки им лететь меньше, чем до России. И если что повернется против них – «благодетели» всегда могут помахать своей ядерной дубиной над нашими головами...

... Почти пустое помещение конторы встретило гулкой тишиной. Только билась, жужжа, муха об оконное стекло. Заметив толстый слой пыли на полу, здесь давно никого не было, парень брезгливо поморщился. Оглядел скудную обстановку – пара старых стульев, облезлая конторка с телефоном в углу, стол, с потускневшей и растрескавшейся полированной крышкой.

Беря из своей пачки газету за газетой и расстилая их, чтобы не оставалось четких следов, парень подошел к конторке. Достал носовой платок, аккуратно обернул им руку и поднял телефонную трубку. Услышав длинный гудок, удовлетворенно вздохнул и опустил ее на рычаги. Шуриша по расстеленным на полу газетам, подошел к окну. Раздвинув легкие планки жалюзи, открыл одну створку, выпустив бившуюся о стекло муху. Минуту – другую постоял, разглядывая сквозь тонкую щель между планками хорошо просматриваемый зал в доме напротив и человека на трибуне. Потом, взяв одну из оставшихся газет, постелил её на стол, поставил свой дипломат. Две странички из газеты ушли на то, чтобы прикрыть грязные спинку и сиденье стула. Наконец, можно присесть, отдышаться и посмотреть несколько минут в серый сумрак в углах конторы, чтобы отдохнули глаза перед серьезной работой...

... – Но им и этого мало. Они покупают за золото сторонников среди наших правых. Вон как разливается трелями прошлый номер журнала «Эхо страны» – ах концессии, ах как прекрасно, ах какая забота о благоденствии, ах какое прогрессивное и дальновидное правительство. А суть в том, что «прогрессивное правительство» просто дает монополиям дешевую рабочую силу и позволяет им грабить страну. Сейчас они пытаются с помощью введения права на всеобщее социальное страхование, символического повышения заработной платы, формального устранения дискриминации в приеме на работу, куцей земельной реформой доказать, что борьба уже закончена, мы всего, чего было можно, уже достигли. Обман и игра на руку неопо-

работителям нашей многострадальной родины! Конечно, разве им хочется, чтобы мы стали настоящими хозяевами своей земли и устанавливали такой порядок, который был бы полезен нам?!

... Колесики замочка «дипломата» мягко защелкали, становясь в нужную позицию, язычки ригелей отошли, освобождая петли защелок. Легко откинулась крышка. На бархатной тёмно-вишнёвой подкладке матово блеснули хорошо смазанные металлические детали. Как слепой, едва касаясь их кончиками пальцев, словно лаская холодный металл, парень в майке и линялых джинсах провел рукой по ребристой поверхности трубки оптического прицела. Потом отдернул руку, словно ожегшись. На секунду зажмурил глаза и, открыв их, быстро начал собирать небольшой карабин. Протерев кусочком замши оптику прицела, он присоединил ее к оружию. С легким щелчком открылась масляная пасть затвора и поглотила обойму с красноватыми головками пуль. Платком он протер рубчатое цевье полуавтоматического карабина. Подошел к окну, сел на покрытый газетами стул, пододвинул второй, развернув его спинкой к себе. Положил на нее, как на опору, ствол карабина и, чуть раздвинув планки жалюзи, про-сунул его наружу...

... – Вот, что движет господами «добродетелями», как признался один солидный американский журнал, – Моххади нашел заранее заложенную страницу: «Нужно сказать, что Северная Африка должна стать членом оборонительной системы против наступления коммунизма, поскольку она является идеальным местом для постройки ракетных и ядерных баз». Как после этого верить тем, кто, занимая в правительстве высокие посты, вторит каждому слову из-за океана? Пытаясь отвлечь нас, молодых, от пути истинного национального возрождения, они насаждают чуждую исламу мораль, распространяют наркотики, поддерживают террористов. У меня в руках газета, я её все время ношу с собой. В ней сообщение об убийстве Селим аль Аккада, нашего с вами товарища, одного из руководителей молодежного движения. Ответственность за это злодеяние взяла на себя террористическая организация «Мединет эль Хайра».³ Но, я уверен, за этой сектой убийц стоят люди из другой организации – той, которой очень выгодно, чтобы арабы убивали арабов! И я надеюсь, что очень скоро эту уверенность смогу подтвердить документами. Пусть все знают – нас террором не запугать! Будь здесь эти подлые убийцы – я швырнул бы эти слова в их подлые физиономии...

... Сильно приближенное оптикой тонкое смуглое лицо молодежного лидера казалось совсем рядом. Менее чем на секунду он задержал на нем взгляд. Сетка прицела с маленьким черным крестиком посередине поползла вниз – по шее, с выступающим кадыком, несколькими невыбритыми около него жесткими черными волосками, по груди, обтянутой тонкой тканью сорочки, спустилась на живот. Нет, надо взять повыше... Так, на три пальца влево от галстука и на ладонь вниз от плеча. Маленький черный крестик прицела замер на левой стороне груди Отэна Моххади...

... – и еще одно оружие против нас. Мы должны знать об этой опасности, которая подобно самуму,⁴ приносящему засуху, иссушающему душу и тело. Это употребление наркотиков в среде молодежи, особенно среди студентов. Нас пытаются уверить, что это зло объективное, неизбежная дань прогрессу, чуть ли не его показатель. Обман! Я знаю наверняка, что попадают наркотики к молодежи не без помощи некоторых влиятельных заокеанских организаций. И здесь я тоже обещаю представить вам документы. В сентябре – выборы в парламент. На честность правых рассчитывать не приходится. Мы добьемся успеха только в том случае, если все прогрессивные силы объединятся. Поэтому я призываю вас поддержать кандидатов блока нашей организации и Партии социализма и прогресса. Это честные люди! Пусть наши точки

³ Город Страха (арабск.).

⁴ Сухой ветер, дующий из Сахары.

зрения в чем-то расходятся, мы солидарны в главном – в необходимости радикальных перемен у нас в стране...

... Палец начал медленно выбирать слабину в ходе спускового крючка. Но резкий телефонный звонок остановил это движение. Вздрогнув, он вытер вспотевшую ладонь о джинсы. Настороженно прислушался – нет ли какого движения за дверью? Телефон звонил не переставая. Осторожно поставив карабин на предохранитель, он, не выпуская из рук оружия, сделал шаг к конторке, на ходу доставая носовой платок, и поднял трубку. Молча прижал к уху.

– На сегодня все отменяется... – бесстрастно прозвучал голос в наушнике. – Уходи. Понял?.. Ты что, оглох там?!

– Кто приказал? – чуть помедлив, спросил парень с карабином.

– Сам... – и долгие гудки.

Он медленно опустил ее на рычаги, с отсутствующим видом разобрал и аккуратно уложил в «дипломат» карабин...

Когда он вышел на улицу, митинг уже окончился. Толпа возбужденных студентов валила из зала. Он быстро смешался с ней, растворившись среди таких же маек, джинсов, среди людей, несущих в своих портфелях книги.

4

Чудом втиснувшийся между солидным БМВ и изящной «Тойотой» старенький «Фольксваген» Бабу тоже выглядел как-то представительней, словно часть блеска дорогих автомобилей перешла скромному соседу. Разумеется, Бабу протиснул свою машину именно сюда не для респектабельности. Просто все водители стараются припарковаться в тени деревьев или домов, чтобы не оставлять включенным кондиционер. Даже зимнее солнце так может нагреть металл, что потом сразу сесть за руль практически невозможно.

Сначала Ахмед Жако решил, что «жук» Бабу пуст. Он перестроился в правый ряд, сбросил скорость и стал раздумывать, как быть дальше. Остановиться где-то поблизости и поискать Ясефа? Но тогда есть опасность, что их могут увидеть вместе, а это ни к чему. Еще раз проехать вокруг ресторанчика «У ловца лангуст»? Жако хотел уже снова перестраиваться в левый ряд – ресторан находился на другой стороне улицы – но в этот момент в зеркало заднего обзора увидел поднимавшегося с откинутого сиденья своей машины Бабу.

Прибавив скорость, Ахмед Жако направился в сторону взморья, изредка поглядывая в зеркало. «Фольксваген» держался за ним.

Выбрав пустынное место, Жако свернул к береговой линии, туда, где тень от пальм была погуще. Прежде, чем выйти из машины, снял легкие туфли, носки, подвернул брюки и с удовольствием ступил на теплый песок. Через минуту, обдав его запахом бензина и разогретого металла, рядом затормозил «жук» осведомителя.

– Приветствую вас, господин Жако, – уважительно поздоровался Бабу, захлопнув дверцу автомобиля.

– Привет, Ясеф. Пройдемся? – предложил Жако, и, увидев, что тот с подозрением оглядывается, видимо, по-своему поняв предложение инспектора, успокоил, – Надоело сидеть, хочется размяться.

Они пошли вдоль кромки прибоя. Волны с тихим шепотом накатывались на песок, пытаясь накрыть его желтизну голубоватой пеной.

– Здесь нам не помешают, – Жако остановился. Набежавшая волна тихо лизнула его босые ступни. Он поежился и отошел от воды. – Зачем ты меня разыскивал? Что-то важное?

– Очень интересная новость, господин Жако! Очень интересная. – Бабу еще раздумывал, вспоминая предупреждения Лакдара.

Жако не торопил своего человека. Он его знал давно и достаточно хорошо. Если тот что-то узнал, то все равно расскажет. Не сейчас, так позже. Только не надо нажимать на него, выдавливая сведения.

– У меня в кофейне были недавно студенты, – помолчав, начал Ясеф. – Один совсем напился. А, какая беда для родителей, когда такой молодой сын, птенец еще совсем, уже так много позволяет себе выпивать. Когда они ушли, мой слуга, Шараф, принес мне вот это. Видно, у кого-то, скорей всего, у того пьяного выпало, – Бабу протянул свою находку Жако. Ахмед осторожно развернул полиэтиленовый маленький пакетик. В нем была небольшая кучка тонкого белого порошка, похожего на сахарную пудру. Он слегка коснулся его пальцем и слизнул прилипшие крошки. Немного подержав во рту, сплюнул.

– Героин! Имена, приметы есть?

– Да, я все узнал. Можете записывать, господин Жако, – он стал диктовать Жако ответы на его вопрос.

– Спасибо, Ясеф, – поблагодарил инспектор, убирая блокнот, и, внимательно взглянув на Бабу, задумчиво произнес:

– Из-за этого ты так срочно хотел увидиться?

«Сказать?» – подумал Бабу, – «Почему нет? Не станет же он делиться этой новостью с Лакдаром? А разве мало выручал тебя этот человек?» Нет, Ясеф Бабу умел быть благодарным. Опять же и деньги так нужны...

– В городе один из приближенных Зампы!

– Ты об этом от кого-то слышал или видел сам?

– Видел, собственными глазами, как вас!

– Ты случайно не мог обознаться?

– Что вы?! Я хорошо запоминаю лица. Он часто встречался на фотографиях, которые вы мне показывали. Такой приятный мужчина средних лет. Вы его называли Пикколо...

Жако с уважением посмотрел на своего осведомителя. Подобной информации от него ожидать было трудно.

– Действительно интересно... – протянул он. – И когда этот господин прибыл?

– Сегодня утром, самолетом из Танжера.

– Его встречали?

– Нет.

– Продолжай... И как можно подробнее...

– Я заметил его в аэропорту и довел до отеля «Алетти». Он снял там номер под именем Порфирио Гонзалеса...

– Откуда это известно?

– Портье в «Алетти» – давний завсегдатай моей кофейни.

– За тобой никто не увязался, ни в аэропорту, ни от гостиницы? – настороженно спросил Жако.

– Все было чисто... – Бабу достал мятую пачку сигарет, прикурил, пряча огонек зажигалки от ветра, – Я специально перепроверился.

– Молодец. Твоя новость крайне интересна, спасибо.

– Это еще не все, господин инспектор.

– Ясеф, ты сегодня, кажется, хочешь сразить меня на смерть своими новостями? Что еще ты успел узнать?

Бабу довольно улыбнулся.

– Вновь о том же человеке. Договорившись с вами о встрече, я приехал пораньше к ресторану. Припарковал машину, оглянулся по сторонам. И тут вижу, подъезжает такси и из него вы ходит этот, Пикколо.

– Один?

– Да, приехал один. Вышел, повертел головой по сторонам и ко входу в ресторан. Не успел подойти к дверям, как из-за угла выкатывает серый «форд». Водитель высунулся из машины и окликнул итальянца. Тот подошел к нему, сказал что-то, сел в машину и они уехали. Можете записать номер «форда», господин инспектор.

– А того, что был за рулем, ты не успел рассмотреть?

– Так... – пожал узкими плечами Бабу – острижен коротко, волосы с проседью, плотный, лицо такое благородно-значительное, – Ясеф надул щеки, изображая лицо незнакомца. – Костюм дорогой, издалека видно. Про возраст не скажу, но не моложе нашего итальянца. Американец, наверное.

– Почему ты так решил?

– Они любят большие автомобили, хотя с ними трудно в городе: стоянку тяжело найти, на узких улицах разъехаться, бензина много идет. Да и вообще, есть в нем что-то такое...

– Тогда, может, ты знаешь и куда они поехали? – улыбнулся инспектор.

– Извините, господин Жако, я не Аллах. Я могу говорить только о том, что слышали мои уши, видели мои глаза, щупали мои пальцы. Я просто бедный Ясеф Бабу, господин Жако. Бедный, бедный Ясеф... Разве в Kitabе⁵ не сказано: «Молитесь и подавайте подаяние, и за все сотворенное благо будете вознаграждены богом...» – он молитвенно провел ладонями по лицу.

Жако засмеялся и достал бумажник. Быстро пересчитывая деньги, Бабу со страхом ожидал вопроса, не поделился ли он с кем-нибудь информацией о Пикколо? Раньше о таком на их встречах и речи никогда не заходило, но вдруг сейчас? Бабу чувствовал, что соврать не сможет.

Жако молчал. Бабу попрощался и направился к машине. Инспектор проводил взглядом старенький «фольксваген» осведомителя и повернулся к воде.

Пикколо, Джалал Пикколо... Что ему нужно здесь? Это не тот человек, который будет раскатывать по свету в погоне за новыми впечатлениями. С кем он встретился? Что несет с собой этот неожиданный визит достаточно именитого гангстера? Действительно ли он прибыл один? Уберегся ли Бабу от глаз возможной негласной охраны Пикколо? Вопросы рождают вопросы...

Возвращаясь к машине, Жако заметил, что он непроизвольно вертит в руках, словно играя, пакетик с героином, переданный ему Бабу. Перед тем, как убрать его в карман, он зачем-то внимательно посмотрел на него, словно ища загадочные письмена на совершенно гладкой и чистой упаковке...

5

Было. Все уже было. И слуга, который заботливо доликает воду в кальяны, ставит новые латунные чашечки с благоухающим зеленым чаем.

И заунывный тонкий звук дарбука⁶ и напряженный ритм глухих ударов берберского бубна. Было. Когда, где – не вспомнить. В один из первых приездов сюда? Или совсем на другом конце света? Или просто во сне?

Последнее время ему стали сниться какие-то странные сны – яркие, объемные. В них он испытывает такие чувства, которые наяву и представить трудно. Однажды даже плакал, как в детстве, навзрыд, захлебываясь, а потом наступило необыкновенное облегчение и удивительное умиротворение. Такие сны пугают. Они настолько хороши, даже просыпаться не хочется. Временами появлялось чувство, что однажды сон его так и не отпустит...

Да, психоаналитик все разъяснил: «работа истощила нервную систему». Разумеется, истощила. Трудно постоянно чувствовать себя дичью, на которую идет облава. Да, временами

⁵ Kitab (араб.) – книга. Так арабы называют Коран.

⁶ Старинный арабский струнный инструмент.

он за день зарабатывает столько, сколько иному за две жизни не заработать. Но кому и сколько заплатить, чтобы вернуть то блаженное время, когда на все было наплевать – на полицию, на таможни, на суды, потому что он чувствовал себя сильнее их. И увесистые пачки долларов становились волшебным эликсиром, удваивавшим заряд энергии и силы. Деньги – вот самый сильный наркотик. А теперь наступает похмелье? Вырваться, вырваться из этого круга! Хотя бы на полгода. Отдохнуть, забыв обо всем. Но «компания» начинает крупную игру и никто его не отпустит. Таковы правила. Не он их создавал, не ему их и менять...

– Сейчас самое интересное, обратите внимание, сеньор Пикколо, – сказал Фусони.

Джалал сначала не понял, о чем это он, но потом, увидев, что его спутник повернулся в кресле, тоже взглянул в полумрак нижнего зала. На танцподиуме появилось две фигуры, закутанные в белые полупрозрачные шаршафы⁷ Громче ударил бубен – и воздушные покрывала упали к ногам. Почти обнаженные тела танцовщиц, казалось, светились в лучах прожекторов. Они были изящны и стремительны. Каждое движение рождало нежный металлический звон, именно движение, а не браслеты из старинных серебряных монет на лодыжках и запястьях. Резкий свет и ломаные тени, мелькание маленьких пяток, выкрашенных хенной в синий цвет, неожиданные повороты гибких женских тел, музыка в ритме биения человеческого сердца – все это создавало ощущение неясной тревоги.

Внизу были не просто танцовщицы, а женщины, в тела которых вселился дьявол пустынь. Сама красота об руку со смертельной опасностью. Раньше Пикколо относился к таким вещам, как к необходимому антуражу изысканных развлечений. Но сейчас старинный танец, словно угадав настроение, заставил его внутренне сжаться, словно здесь в уютном кабинете дорогого ресторана «Эль Сохра»⁸ притаилась неведомая угроза, которую невозможно заметить и опередить, потому что находится она не где-то в определенном месте, а гнездится у него внутри. «И возрадуются за грехи ваши»? Чушь! Но как же нехорошо.

Вдруг раздалась высокие звуки зуммара⁹ и танец изменился – порывистые движения живота и одновременно, вкрадчивые, полные мягкой неги изгибы тела. Тоскующие разведенные руки, словно ждущие ответных объятий и снова трепетные движения живота и груди. Но то был призыв не женщин. Это на Пикколо не подействовало бы. То был призыв к совсем иным наслаждениям, мгновенным, как последний в жизни глоток воздуха, последний взгляд. И музыка. Раньше Пикколо с трудом выдерживал минуту другую, когда слышал игру на арабских инструментах. Но сейчас чем больше он слушал эту протяжную музыку, тем больше возникало желание слушать её, снова и снова.

Для него она прекратилась внезапно и слишком рано. Танцовщицы замерли в последнем па и, спустя секунду, прожектор, освещавший сцену, погас.

– Ну как, нравится? – Фусони задернул штору, закрывающую декоративную решетку кабинета. – Не правда ли, впечатляющее зрелище? Это так называемый танец змей – «Харраки»! – пояснил он, не дожидаясь ответа своего гостя. – Говорят, хозяин ресторана нашел танцовщиц в стране Мзаб в Сахаре, где еще сохранились остатки древних танцевальных феерий в честь финикийского божества Эшнунны. Все хочу добраться туда, но никак не могу – дела, дела.

– Обычный трюк для наивных туристов, – сказал еще не пришедший до конца в себя Пикколо.

– Может быть, может быть, – протянул Фусони. – Но согласитесь, такое вам приходилось видеть не часто...

Пикколо пожал плечами, ничего не говоря в ответ.

⁷ Покрывала.

⁸ Арабское произношение названия Сахары.

⁹ Флейта

– Надеюсь, вы не в обиде на меня, что я принимаю вас, дорогого гостя, так, по-простому. Наверное, следуя кодексу приличий старых «Обществ чести», мне следовало подать еще один стул для вашей шляпы и предложить кьянти или марсалы?¹⁰ – лукаво усмехнулся Фусони.

– О-о... – не смог скрыть удивления Пикколо, – откуда вам, американцу, известны некоторые старинные обычаи юга Италии?

– Американцу итальянского происхождения, дорогой Пикколо. Не исключено, что мой далекий предок пил вино вместе с вашим или враждовал с ним не на жизнь, а на смерть.

– Надеюсь, что с нами может произойти только первое. Ну, а насчет шляпы, я не в обиде, поскольку у меня ее просто нет.

– Ладно, – бодро произнес Фусони. – Тогда давайте воздадим дань восточному столу. Пожалуйста: сливы, фисташки, баранина с печеными гранатами, сыр. А это розовое вино из Алжира. Не бойтесь арабско-коммунистической заразы?

Пикколо вежливо улыбнулся, а затем больше для поддержания разговора, чем по охоте заметил:

– Я с удовольствием заказал бы мортаделлу, или пиццу с ней.

Фусони смутился.

– Честно говоря, настоящей мортаделлы мне не приходилось пробовать, – и, словно извиняясь, пояснил, – мои предки перебрались в Штаты еще в середине прошлого века. Сами понимаете, это случилось так давно... А в стилизованных итальянских ресторанчиках все такое... – не найдя подходящего определения, он покрутил рукой у себя перед лицом.

– Ну, что вы, настоящая «Мортаделла» прекрасна. Достаточно один раз попробовать и потом всю жизнь будешь тосковать по этому тонкому вкусу. Представьте себе такую ароматную колбаску из лучших кусков говядины и свинины, ну и естественно специи, травки. И делать её по-настоящему умеют только у нас, в Неаполе. А насчет ресторанчиков вы правы, даже в Италии, где не пробовал её – что-то не то. Если придется побывать в Неаполе, не забудьте – мортаделла!

Помолчали, отдавая дань вину и закускам. Джалал понял – официально дипломатическая часть встречи кончилась.

– Конкретизируйте задачи, – начал он без всякой подготовки.

– Ну что ж, – ответил Фусони, вытирая губы салфеткой. – Работа, собственно, для вас знакомая. Организовать четкую систему доставки и сбыта товара.

– Здесь и без меня хорошо знакомы с наркотиками. Могу назвать и тех, кто конкретно этим занимается. Лезть в чужое дело – стоит ли?

– Стоит. Я прекрасно знаю, кого вы имеете в виду. Шаловливые ребята и без размаха. Компанию не волнует чей-то мелкий бизнес. Нам нужна целенаправленная работа. Хочу сразу оговориться, предупреждая ваши возможные вопросы. Различные варианты использования тех парней, о которых вы упомянули, прорабатывались. Но... здесь как раз против них эти «но». Во-первых, нас не могут удовлетворить масштабы их дела, а расширять его с нашей помощью – дать знать о себе и криминальной и политической полиции. Во-вторых, мы не очень хорошо знакомы с их деловыми качествами, а в данном случае необходимы исполнители, в которых можно быть уверенными до конца. Утечка информации полностью исключена! И, наконец, положение в стране складывается таким образом, что сейчас просто необходимы весьма крупные поставки и разветвленная, хорошо отлаженная и законспирированная система сбыта. О конкурентах не беспокойтесь, их придавят при первой же попытке поднять голову.

– Насколько я понял, мне придется заняться политикой?

– В известном смысле – да! Вы её будете «делать», правда, весьма опосредованно.

– Но...

¹⁰ Сорты итальянских вин

– Милый Гонзалес! Надеюсь, вы понимаете, здесь никаких «но» быть не может. Поскольку я в настоящий момент не спрашиваю вашего мнения по данному вопросу, а объясняю поставленную перед вами мистером Дилланом задачу, – в голосе Фусони появились твердые нотки. – Итак: крупные поставки, надежные люди, широкое распространение!

Спорить Пикколо не стал. После ряда провалов его бывших партнеров, он полностью в руках компании. А жизнь, хотя и утратила, какую-то остроту, но еще не стала настолько невыносимой, чтобы ограничивать её стенами тюремного двора.

– У меня здесь нет таких людей, – скучно сказал он.

– За это не волнуйтесь, – успокоил его Фусони. – В последнее время на местной почве выросла одна мусульманская почти политическая организация – «Мединет эль Хайра», руководитель Абиц бен Ами. Вот, взгляните.

Фусони протянул цветную карточку, сделанную «Поляроидом». Пикколо внимательно всмотрелся в будущего партнера. Ничего особенного. Узкое смуглое лицо, черные короткие волосы, глубоко посаженные карие глаза. Ничего особенного.

– Они возьмут на себя всю черновую работу: доставку внутри страны, сбыт, охрану, ну и, естественно, все остальное, что вы скажете. Как товар будет доставляться в страну – ваши проблемы. Постарайтесь, чтобы о нашем деле знало как можно меньше людей, даже если вы в них уверены.

– Почему вы задействовали этих «политиков»? Что, других исполнителей здесь нельзя найти?

– Экая у вас нелюбовь к политике, – усмехнулся Фусони. – У ребят бен Ами есть самое важное качество, которое нравится нам. Они крайне редко попадают в руки полиции живыми. И еще реже арестованный доживает до суда. Восток – свои традиции. Мы это учитываем. И еще не забывайте, что эти «политики» много ближе к студентам и другим слоям молодежи, чем всякие там, – Фусони явно замялся, подбирая слово. Он вовремя вспомнил, кто перед ним, – темные личности.

– Хорошо. Попробуем работать с вашими протеже. Ну, а кто нам будет мешать?

– Об организациях говорить не буду. Те же, что и в других странах. Скажу о людях. Есть несколько человек в правительстве, которые нас, мягко говоря, недолюбливают. Но это высокий уровень и вам не стоит забивать себе голову. Мы сами займемся их нейтрализацией. А вот об этом молодом человеке вам нужно помнить.

– Фусони достал еще одну карточку. – Отэн Моххади. Новоявленный лидер местной молодежи. На мой взгляд, по убеждениям он левый социалист с явными национально-мусульманскими заскоками. Но дело не в этом. Главное – он каким-то путем умудрился получить некоторые материалы о деятельности одного из ваших предшественников. Проклятые мальчишки, играющие в политику, лучше всяких платных агентов доносят ему о том, что, как и где происходит. Сейчас пытается выплеснуть всю собранную грязь нам в физиономию. Пусть себе пыжится. Но в будущем, если с ним ничего не случится, он может очень здорово помешать.

– Я вижу, вы полагаете, с ним может что-нибудь случиться? – не без иронии поинтересовался Пикколо, сделав ударение на слове «может».

– Все они здесь под Аллахом ходят, – в таком же тоне ответил Фусони, наливая вина себе и собеседнику. – А ихний бог такой непостоянный в своих симпатиях. Давайте выпьем за его непостоянство... – поставив пустой бокал, он серьезно продолжил. – А это уже профессиональный соперник – инспектор Ахмед Жако, неподкупный полицейский страж.

– Француз? – Пикколо рассматривал фотографию Жако.

Отец – француз. Мать – алжирская берберка. Его родитель приехал в Оран на заработки и почти сразу женился. Когда началась война в Алжире, его призвали. Он дезертировал и пере-

шел на сторону ФНО.¹¹ – Там и погиб. Когда мамашу застрелили парашютисты, Жако попал в оазис Хемиссет,¹² где устроили приют для алжирских сирот. Оттуда его забрала семья Моххади. Да-да, именно того самого, о котором я только что рассказал. Со старшим братом этого молодежного лидера Жако очень дружил. А тот был ну просто ярко красным. Но вовремя получил пулю в лоб.

– Так эта ищейка тоже играет в политику? Хорошенькое дельце!

– Нет. Он делает свое дело и упорно не хочет брать ни денег, ни подарков, которые ему время от времени предлагают. Нас сейчас начинает беспокоить столь неожиданная смывка молодежного лидера и полицейского. Думаю, на это надо обратить особое внимание при подготовке работы. В самое ближайшее время я и мистер Диллан ждем от вас предложений. Не забудьте – все должно иметь конкретные сроки. Вам, конечно, виднее, – Фусони обрезал кончик толстой сигары и раскурил ее от свечи на столе, – но на всякий случай приготовьте ряд вариантов: воздушный, морской, автомобильный и даже караванный – через пустыню. Выберем самый надежный и эффективный. А может быть и несколько сразу. Мы надеемся на вас... О, уже поздний час, хватит о делах, пора и отдохнуть. Выпьем кофе, и я подвезу вас поближе к гостинице.

¹¹ Фронт национального освобождения Алжира.

¹² Местечко на севере Марокко, где в 50–60 годы нашли приют сироты, чьи отцы и матери погибли за свободу Алжира

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.